

Проснувшись, Гу Цзицин увидел, что Чжоу Цыбай нависает над ним.

Мышцы на его руках были напряжены до предела, лопатки и плечи подрагивали от усилия. Сжатые зубы, уши и шея, покрасневшие до багрового оттенка, и выражение лица, смешавшее стыд и ярость.

Быстро сообразив, что тот, вероятно, не может подняться сам, Гу Цзицин искренне и участливо спросил:

- Тебе помочь?

Но его внешний вид, тон голоса, атмосфера между ними и непровольная реакция Чжоу Цыбая превратили этот добрый вопрос в нечто совсем иное.

- Разве ТАКОЕ можно помогать?! - в голове Чжоу Цыбая моментально пронеслись картины того, как Гу Цзицин «помогает» ему. Кровь закипела ещё сильнее, жар разлился по телу.

Гу Цзицин замер. В его понимании мужчины могли возбуждаться от простого физического контакта, поэтому ничего странного он не видел.

Но это было уж слишком.

Да и заставлять гомофобного натурала тереться о гея - настоящее унижение.

Помолчав, он осторожно предложил:

- Может, сначала снимешь халат...

- Не надо! - Чжоу Цыбай перебил его, лицо пылало. - Я же сказал, я натурал!

Не дожидаясь конца фразы, он порвал пояс халата, застрявший под телом Гу Цзицина, вскочил и рванул в ванную, громко хлопнув дверью.

Щелчок замка прозвучал окончательно.

Гу Цзицин: «...»

Он вдруг почувствовал себя каким-то чудовищем.

Видимо, всё-таки доставил ему неудобства.

Чжоу Цыбай, хоть и скрывал из вежливости, явно испытывал к нему отвращение.

Положив порванный пояс на тумбочку, Гу Цзицин спустился с кровати, укутался в плед и свернулся калачиком на диване.

В его мире не существовало нерешаемых проблем. Всё, как в математике: быстро находил ответ, выбирал решение. Даже неудобный диван не помешал ему уснуть.

А вот Чжоу Цыбаю в ванной пришлось несладко.

Он выкрутил душ на полную, выставил минимальную температуру и, опершись о стену, позволил ледяным струям окатить тело. Но даже это не помогло погасить внутренний пожар.

Стоило закрыть глаза – перед ним вставал Гу Цзицин с его вопросом: «Тебе помочь?» От одного воспоминания кожа горела, сердце колотилось как бешеное.

Чжоу Цыбай взглянул на своё отражение в запотевшем стекле – уши алые, взгляд потерянный. Стиснув зубы, он опустил голову.

Он никогда не был одержим плотскими желаниями. Спорт выжигал излишки гормонов, а романтикой и вовсе не интересовался. Даже руки касался редко.

Но сейчас тело будто взбунтовалось. Как в четырнадцать, когда он случайно увидел оголённые плечи своей тогдашней пассии.

Уши покраснели ещё сильнее. Да, всё из-за этого! Сходство Гу Цзицина с той девушкой – те же глаза, та же родинка. Просто перенос чувств.

Он ведь годами хранил верность своему идеалу. Никаких мужчин!

Убедив себя, Чжоу Цыбай сжал зубы, опёрся о стену и опустил руку вниз.

В темноте перед глазами плясали полуприкрытые глаза с томным блеском и алая родинка, будто метка дьявола.

Прошла вечность, прежде чем пальцы судорожно впились в кафель, сухожилия на руках выступили рельефно.

- Чёрт... - вырвалось хриплое ругательство.

На следующее утро Гу Цзицин проснулся посреди кровати Чжоу Цыбая.

Он уютно укутался в одеяло, подушка идеально поддерживала голову. В комнате не было ни души.

Только после умывания за дверью раздался стук:

- Проснулся?

- Да.

Чжоу Цыбай вошёл, лицо каменное, и сунул ему пуховик:

- Сегодня после снега холодно. Твоё пальто не греет. Этот поменьше, должен подойти.

Он всё равно оказался великоват – воротник почти скрывал лицо. Зато тепло.

Потом Чжоу Цыбай вручил ему термос:

- Сунь Цзя Юэ специально для тебя слепила пельмени с морепродуктами и сварила куриный бульон. Говорит, нужно восстанавливаться. Поешь в машине.

Схватив ключи, он вышел, оставив Гу Цзицина в огромном пуховике, с трудом удерживающего тяжеленный термос.

Тот замер в недоумении.

Чжоу Цыбай избегает его или нет? Злится? Где он спал? Выглядит, будто не сомкнул глаз.

Но спрашивать не стал. Для гомофоба лучший выход – забыть прошлую ночь.

Чжоу Цыбай же заметил, что Гу Цзицин стал холоднее. Не спросил о сне, не завел разговора. Всю дорогу молча уплетал пельмени под мультик про «Недоумка и Ворчуна», который смотрела Сунь Цзя Юэ.

А пельмени-то он утащил у неё, пока та спала!

Чжоу Цыбай нахмурился.

Гу Цзицин решил, что тот всё ещё зол, и старался не беспокоить.

На месте волонтерской акции они опоздали.

- Ничего, после снегопада многие задержались, – успокоила их Линь Цянь, ответственная за мероприятие. Подписав их явку, она вдруг спросила:

- Вы, случаем, вместе живёте?

Не дожидаясь ответа, Чжоу Цыбай выпалил:

- Нет!

Девушка моргнула. Разве вопрос был грубым? Они приехали на одной машине, один явно в одежде другого...

- Мы просто соседи по общежитию! – Чжоу Цыбай покраснел до ушей, осознав, как это звучит.

- А я о чём? – Линь Цянь недоумённо подняла бровь.

Чжоу Цыбай стиснул зубы. Чёрт, он сам накрутил! Наверное, слишком много времени проводит с Гу Цзицином.

Тем временем Гу Цзицин, игнорируя его метания, вежливо уточнил:

- Да, мы соседи. В чём дело?

- Ничего серьёзного, – Линь Цянь быстро сменила тему. – Раз уж вы вместе, будете в одной группе. Остались только крупные псы – местный «волкодав». Бойтесь?

- Нет, – Гу Цзицин улыбнулся. – Я люблю больших собак.

Чжоу Цыбай вздрогнул.

Любит больших собак?! А раньше говорил, что не нравятся мужчины-«волкодавы»!

Гу Цзицин продолжил, не замечая его паники:

- Они кажутся грозными, но очень преданные. Если найти подход, становятся милыми.

Голос его смягчился, будто он вспоминал кого-то.

Чжоу Цыбай мгновенно представил, как Гу Цзицин называет его «большой собакой» и

«милым». Сердце застучало, уши загорелись.

- У тебя обморожение? - Гу Цзицин наклонился, рассматривая его.

- Нет! - Чжоу Цыбай натянул капюшон, пряча лицо. - Просто... холодно.

Гу Цзицин кивнул:

- Тогда пришли мне свой отчёт волонтёра. Линь Цянь заполнит.

- Хорошо.

Чжоу Цыбай, стараясь дышать ровно, отправил файл. Всё нормально. Никаких намёков.

Но тут Гу Цзицин достал телефон. На экране всплыло:

[А. Милый Чжоу Цыбай: новое сообщение].

А.

Милый.

Чжоу Цыбай.

- ...

- Чёрт.

Авторское примечание:

Пёс: Видал?! Жена меня любит! Доказано!

Жена, моргая: Мяу?

<http://bllate.org/book/14413/1274344>